Портфель капитана

Анатолий ПОДОЛЬСКИЙ

Рассказ

История эта произошла в городе Мурманске в начале шестидесятых годов прошлого века. Этот заполярный город в то время отстраивался практически заново, так как многие деревянные здания довоенной постройки были уничтожены во время бомбёжек немецкими самолётами. Уже тогда были оформлены все контуры широкой центральной улицы города – Ленинского проспекта и знаковой архитектурной изюминки – площади Пяти углов. В Мурманске появились рестораны, расположенные не в деревянных зданиях, а в красивых солидных домах из кирпича. Рестораны в этом заполярном городе всегда были посещаемыми местами. Там любили провести свободное время военные и гражданские, офицеры и моряки. Названия ресторанов звучали гордо и соответствовали северному портовому городу: «Арктика», «Дары моря», «Якорь», «Полярные зори», «Огни Мурманска». После каждого рейса матросы, мичманы и капитаны засиживались в питейных заведениях. Это было неким ритуалом. Виноградов Леонид Сидорович, капитан рыболовецкого судна «Сибирь», чаще всего посещал «Арктику». Этот ресторан находился в центре города, недалеко от кинотеатра «Родина», а территорию между «Арктикой» и «Родиной» горожане любовно называли «стометровкой». В этой части Мурманска любило гулять большинство жителей города. Здесь были заасфальтированы не только проезжая часть улицы, но и тротуары.

Леонид во время Великой Отечественной войны служил на кораблях Северного флота, участвовал в морских сражениях и специальных операциях, дослужился до звания капитан-лейтенанта в должности первого помощника капитана. Два эсминца, на которых воевал молодой офицер, были подбиты, один вражеской подлодкой, другой прямым попаданием авиабомбы, сброшенной немецким самолётом-штурмовиком. Оба раза после команды капитана «Все за борт!», Виноградов оказывался в холодных водах Баренцева моря. Команда «Все за борт!» подавалась, когда становилось очевидным, что корабль пойдёт ко дну. Леонид во время боевой тревоги, согласно распорядку, находился в капитанской рубке и успевал прыгнуть за борт. Но многие его боевые товарищи, такие же молодые парни, не успевали подняться из машинного отделения, расположенного в чреве корабля и гибли вместе с эсминцем. Самый страшный момент для Леонида был, когда на объятом пламенем эсминце «Стремительный» (вражеская бомба угодила в корму корабля, и он начал крениться набок) капитан эсминца, видя, что его помощник после команды «Все за борт!», не бросился из рубки, крикнул уже лично Виноградову: «Покинуть корабль!».

– А вы? – прокричал в ответ лейтенант.

– Немедленно за борт!

Леонид прыгнул за борт. Через несколько минут его подняли на борт шлюпки. Это экипаж другого нашего корабля спасал выживших моряков с эсминца. Сам «Стремительный» уже ушёл на дно. Леонид, вспоминая этот момент, отчётливо понимал, что его командир, капитан эсминца, не покинул корабль, а продолжал до конца подавать в рупор громкой связи команду «Все за борт!», надеясь, что кто-то из моряков, находящихся внизу, в трюме и машинном отделении, услышит и успеет подняться на палубу и прыгнуть в воду.

После войны Виноградов ещё несколько лет служил в военном флоте, а потом его признали негодным к военной службе, хотя у него не было ни одного ранения. Ему, уже капитану 2-го ранга, был оставлен кортик и дарственный пистолет, вручённый за выполнение особо важного задания в мирное время. Кроме того, отставной капитан имел право ношения военной формы со всеми знаками отличия. Конечно, заслуженному морскому офицеру могли подыскать место в тыловых службах на берегу, но Леонид Сидорович любил море и не захотел работать на берегу. Так бывший военный моряк стал капитаном рыболовецкого судна «Сибирь» Мурманского порта и уже два года ловил рыбу в суровых северных морях.

В этот день Леонид не спеша шёл по улицам Мурманска. Он был в бушлате и фуражке с кокардой. Брюки были тщательно выглажены, а ботинки начищены до блеска. Это был его стиль, он всегда одевался подчёркнуто строго и опрятно, как и положено морскому офицеру, пусть и в отставке. Сегодня он получил в банке зарплату на всю команду «Сибири» и нёс её в небольшом чемодане, можно сказать чемоданчике. Он объявил команде, что зарплату выдаст всем завтра на судне, а потому сегодня никуда не спешил. Жена до вечера будет на работе, а сын на занятиях в спортивной секции, куда регулярно ходил после уроков.

Леонид остановился перед рестораном «Арктика» и решил зайти. До вечера ещё нескоро, в ресторане в это время всегда найдутся свободные столики, а потому можно спокойно посидеть, выпить грамм сто пятьдесят водки и закусить. Он зашёл в здание, снял бушлат, передал его в гардеробную, поправил морской китель (военного образца, но без погон) и зашёл в просторный зал. Он выбрал свободный столик у окна, поставил у ног чемоданчик и сел на стул. Потрогал чемоданчик ногой и подвинул поближе к столу. Скатерть на столе свисала, но полностью чемодан она не закрывала. Да это и не особо беспокоило капитана. Он не собирался здесь находиться долго. Это сейчас в ресторане всего несколько посетителей, тихо и уютно, а вечером все столики будут заняты, весёлые гости будут не только пить и закусывать, но и танцевать под музыку местного ансамбля. Зал наполнится поволокой от табачного дыма и типичным ресторанным шумом, который почему-то так привлекателен для жителей заполярного города. Перед входом в него образуется очередь, и швейцар будет запускать ровно столько желающих попасть внутрь заведения, сколько из него вышло.

Леонид сделал заказ официантке и снова, сейчас уже случайно, задел ногой чемоданчик с деньгами. Чемоданчик этот он приобрёл во время войны у одного американского моряка. Тогда английские и американские корабли, военные и торговые, часто стояли в порту Мурманска, иностранные моряки бывали в городе и даже общались со своими русскими коллегами. Иногда происходил обмен личными вещами. Советские моряки приобретали у англичан и американцев зажигалки и фонарики, те в свою очередь с радостью брали у наших наручные часы и кожаные перчатки. Тогда и выменял капитан-лейтенант Виноградов этот небольшой с виду, но вместительный и элегантный чемоданчик у одного американского штурмана. Чемодан имел два отделения, один из которых закрывался на молнию. Кроме того, внутри него были карманчики для мелких вещей. Снаружи он открывался простым нажатием пальцев на две специальные клавиши, а при необходимости мог закрываться и открываться маленьким ключом. Петли саквояжа были сделаны из нержавеющей стали, такими же были и кольца, на которых крепилась ручка чемоданчика. Одним словом, чемодан хоть и был не новым, но оставался весьма удобным и очень подходил к морской форме Виноградова. Его сын Бронислав, когда был маленьким, как-то сказал, что это не чемодан, а большой портфель, хотя сходства с портфелем Леонид не находил, однако с этого момента, чемодан получил имя – «Портфель капитана». Но до той поры, пока чемоданчик получил такое звание, много чего произошло в жизни его хозяина.

Во время войны, когда корабли приходили в порт после боевых заданий, офицеры и матросы получали возможность сойти на берег. У Леонида была тогда подруга Фая, очень красивая девушка, которая жила на окраине Мурманска в деревянном двухэтажном доме. В двухкомнатной квартире Фая жила с мамой. У них до войны была полная семья: мать, отец, дочь и сын, но в начале войны отец увёз маленького сына на Алтай к родственникам, а вернуться в Мурманск уже не смог. Так они и жили всю войну: Фая с мамой – в Мурманске, отец с сыном – на Алтае.

Когда Леонид получал увольнение на сутки или несколько часов, то почти всегда приходил к Фае и даже оставался ночевать, если такая возможность предоставлялась. С продуктами в городе для гражданского населения тогда были большие проблемы, и молодой офицер, отправляясь на свидание к Фае, всегда клал в чемоданчик офицерский паёк, а также буханку хлеба и банку сгущённого молока. Эти встречи молодых людей были полны любви и особой нежности, ведь каждый раз они расставались, не зная, увидятся ли снова. Однажды, когда Леонид возвращался от Фаи на свой корабль, началась бомбежка. В таких случаях предписывалось переждать авианалёт в бомбоубежище или в другом безопасном месте. Но офицер, надеясь, что воздушный налёт скоро закончится, просто прижался к стене большого кирпичного дома. Когда он стоял, наблюдая пикирование немецких самолётов и огненный шлейф от стрельбы наших зениток, то вдруг вспомнил, что оставил у Фаи свой чемодан. Он тут же решил вернуться за ним и стремглав перебежал улицу. Страшный грохот заставил его обернуться: стена дома, у которой он только что стоял, рухнула от взрыва попавшей в него бомбы. Если бы он задержался там еще на несколько секунд, то был бы погребен под обломками кирпичей. Прибежав к Фае, он схватил чемоданчик, который стал его необыкновенным спасителем и помчался в порт.

История их страстной любви во время войны закончилась прозаично. Однажды в конце войны ему никто не открыл дверь в квартиру Фаи. Соседи рассказали, что Фая с мамой уехали на Алтай. К тому времени уже было возобновлено регулярное пассажирское железнодорожное сообщение из Мурманска.

После войны морской офицер пользовался интересом у женщин и молодых девушек, но боль от непредсказуемой разлуки с любимой сделала своё дело. Леонид стал «ходоком». Он с легкостью знакомился с представительницами женского пола, но также легко с ними расставался. Однажды, вернувшись из похода, Леонид шёл в офицерское общежитие с чемоданчиком в руках, и повстречал знакомую девушку. Знакомой её можно назвать очень условно, он даже имени её вспомнить не мог, но разговорились, посмеялись, девушка, ослепительно и заманчиво улыбаясь, неожиданно спросила:

– Что, капитан, слабо отметить со мной окончание похода? Можно «морскому волку» время с дамой провести «по-взрослому»? У моей тетки комната свободная имеется.

Когда на следующий день Леонид проснулся, то даже не мог вспомнить, сколько они выпили с Алей. В комнате валялись пустые бутылки, на столе стояли тарелки с остатками закусок. Но Альки не было. Впрочем, Виноградов уже сомневался, что это её настоящее имя. Тётка оказалась совсем не тёткой. Хозяйка квартиры объяснила, что девушка ей платит, когда приходит с мужчинами.

Офицер уже собрался уходить, но не смог найти свой чемоданчик. Проверил бумажник, денег там убавилось наполовину. В голове сразу туман рассеялся. Алька чемоданчик «увела», и часть денег. Леонид был ужасно зол, но понял, что скандалом ничего не исправишь. В милицию тоже решил не обращаться, репутация дороже. Он протянул хозяйке ассигнацию и сказал:

– Чемодан надо вернуть.

– А я причём? Это ваше дело, молодое. Я ничего не знаю. Может ты его в другом месте оставил? Бумажник твой и документы, кажись, на месте. А если денег меньше стало, так вы меня в магазин не один раз посылали.

Виноградов понимал, что Алька не взяла все деньги, потому как тогда её точно будет искать милиция, а за чемоданчик офицер, под страхом позора, впрягаться не станет.

Он достал из бумажника ещё одну ассигнацию и протянул хозяйке:

– Чемодан надо вернуть. Содержимое можете оставить, но чемодан верните.

– Сиди здесь. Приду скоро.

Хозяйка вернулась с чемоданом, в котором не все, но остались некоторые личные вещи моряка.

После этого случая Леонид стал более разборчив и придирчив к женщинам. А когда повстречал Олю, и вовсе оставил холостяцкие замашки и привычки.

Леонид, сидя за столом ресторана, вспоминал, что даже когда первый раз встретился с Олей, чемоданчик, будущий «портфель капитана», был при нём.

Знакомство с Олей произошло не без приключений. Однажды он поездом возвращался в Мурманск из служебной командировки. На пригородной станции под названием Кола в его вагон вошла симпатичная молодая девушка. Она села напротив Леонида, и вдруг её ноги уперлись в чемоданчик.

– А нельзя ваши вещи положить, где они должны быть: на верхнюю полку или вниз, под сиденье?

– Извините, я уже приготовился к выходу. Скоро Мурманск.

В это время по вагону проходил мужчина в форме железнодорожника и проверял билеты. Девушка показала ему не билет, как все, а какое-то удостоверение. Мужчина кивнул и пошёл дальше.

– Вы работаете в милиции? – удивился Леонид.

– Нет, я работаю на железнодорожной станции. Удостоверение даёт право на бесплатный проезд.

Виноградов обратил внимание на чётко поставленный голос девушки:

–У вас такой голос! Можно сказать, командный. Вам руководителем надо быть или лектором.

– Я всё это совмещаю. Что вы всё обо мне. Расскажите лучше о себе.

– Давайте сначала познакомимся. Меня зовут Леонид.

– Оля.

– Вам очень идёт это имя.

Леонида девушка явно заинтересовала, рассказчиком он был неплохим и за тот непродолжительный период, пока они ехали до Мурманска, он успел рассказать ей несколько морских баек и занимательных историй.

Когда поезд прибыл на вокзал Мурманска, офицер решил проводить Олю и договориться с ней о встрече. Но при выходе из вагона одна старушка попросила Леонида помочь вынести на перрон её вещи, и пока он с ними возился, Оля уже ушла. Офицер кинулся на привокзальную площадь, надеясь догнать девушку, но её нигде не было.

Прошло несколько дней. Леонида не покидали мысли о девушке: «Надо её найти. Но как?».

Леонид вспомнил: Оля говорила, что она работает на железнодорожной станции. И он поехал на вокзал. Зашёл к начальнику вокзала и рассказал, что ищет девушку, но кроме имени о ней ничего не знает. Начальник вокзала, седой, пожилой мужчина объяснил Леониду:

– Как тебе помочь? Вижу ты боевой офицер и рад бы помочь! У нас здесь не только вокзал, но и товарные станции, и везде девушки и молодые женщины работают. Если фамилию узнаешь, приходи, найдём твою Олю.

И всё-таки Виноградов сделал попытку найти Олю. Несколько раз он приходил на товарную станцию, ходил по огромной территории, заполненной складами и контейнерами, надеясь встретить там Олю, приезжал на железнодорожный вокзал и всматривался в лица девушек, сходивших с поезда. Но всё оказалось напрасным.

Корабль, на котором служил Виноградов, стоял в доке на плановом ремонте, свободное время у офицерского состава было, и Леонид принял предложение одного сослуживца поехать к нему в гости в Колу. Они поехали на служебном портовом автобусе, вышли на конечной остановке, в Коле, недалеко от местного кладбища и многочисленных железнодорожных путей, над которыми возвышался металлический мост. Сослуживец недавно женился и переехал из офицерского общежития в квартиру жены в деревянном двухэтажном доме. Служебное жильё, которое полагалось семейным офицерам, он ещё не успел получить. Офицеры уже подходили к подъезду, как со стороны железнодорожных путей раздался звонкий голос:

– Пятый, пятый, на четвёртый путь подаю грузовой состав.

Леонид замер на месте:

– Это Оля! Это она! Это её голос!

А из репродукторов, над всем пространством многочисленных рельсов продолжал звучать женский голос:

– Пятый, пятый, принимай состав.

Леонид успел сказать приятелю:

– Мне надо… Потом увидимся. Мне очень надо, – и побежал в сторону железнодорожных путей. Увидел группу рабочих железнодорожников и спросил: – Девушка, которая по громкой связи подаёт команды, Оля, как её фамилия?

– Сильвановская. Она у нас одна такая на весь Мурманск и Колу, – ответил один из рабочих.

– А где мне её найти? Откуда она говорит?

– Так вон административное здание. Там наверху – диспетчерская. Она там.

Когда Леонид вошёл в диспетчерскую и увидел удивлённые, но откровенно радостные глаза Оли, он понял, что это его судьба. Девушка сидела на деревянном стуле перед приборной доской, на которой были расположены десятки тумблеров, смотрела на Леонида, ничего не говоря, и только улыбалась своей удивительной улыбкой. Потом, наконец, промолвила непривычно тихим для себя голосом:

– Нашёл?! Ты меня искал?

– Я уже не надеялся, что найду. Наверное, бог всё-таки есть.

Через два часа, когда у Оли закончилась смена, и они гуляли по улицам небольшого городка, офицер спросил девушку:

– Почему ты тогда сразу ушла, когда поезд прибыл в Мурманск.

– Мне показалось, ты такой весь из себя. Офицер, девушек, наверное, у тебя не счесть. А я простая девчонка, не ровня тебе.

– Если я много говорил при первой встрече, это не значит, что я не серьёзный, скорее наоборот. Вот увидишь.

Леонид и в самом деле очень красиво ухаживал за Олей, стараясь завоевать её сердце, не зная, что девушка с первой встречи была покорена им и сама переживала, что может потерять его. Шло время. Леонид души не чаял в своей Оле, но отношения у них оставались чисто романтическими. Однажды, когда он провожал её до дома, Оля вдруг сказала:

– Мне кажется, что однажды ты уйдешь и не вернешься ко мне.

– Мне скоро в плавание. Вернусь – сделаю тебе предложение, чтобы не переживала. Я так долго не женился, потому что знал, встречу ту, которую буду любить всю жизнь.

Так они стали мужем и женой.

Чуть больше часа находился в ресторане Леонид, он уже собирался уходить, как вдруг к столу подошли двое знакомых мужчин, с одним из которых Виноградов служил во время войны на одном корабле.

– Какая встреча! – сказал бывший сослуживец, и они обнялись.

Морская дружба дорогого стоит, и мужчины были рады этой нечаянной встрече. Сидели за столом, разговаривали, вспоминали, кто выжил, кого уже нет, и как полагается, выпивали. Выпили много. Зал ресторана уже был полностью заполнен. Звучала музыка, нетрезвые пары танцевали в центре зала. Когда объявили дамский танец, Леонида пригласила жгучая брюнетка в красном платье и с вьющимися волосами. Она игриво улыбалась и довольно откровенно прижалась к нему всем телом. Когда капитан вернулся к приятелям, один из них сказал:

– Ты, Леонид Сидорович, не увлекайся этой особой. Это Верка Офицерша. У неё репутация шалавы, а Офицершей её прозвали, потому что с офицерами романы крутит, не без выгоды, конечно. Тебя, видишь, в клиента очередного определила, хотя ты и не в воинской форме. Но хороша девка! Кто не знает, голову можно потерять.

– Мне никто кроме Оли не нужен. Отгулял я своё. А молодых женщин в этом заведении действительно много.

– Это так называемые «охотницы». Они приходят специально знакомиться с мужчинами. Одно время в рестораны города перестали пускать женщин, если они приходили не в сопровождении мужчин. Но от этой затеи пришлось отказаться, так как поток посетителей сразу убавился. Какая веселуха без женского пола?

И снова мужчины переключились в разговорах своих на другие темы. Так они сидели за столом, уставленным бутылками и тарелками с едой, до закрытия ресторана. Леонид так много выпил, что в конце вечера совсем забыл о чемоданчике. Ресторан стал закрываться, нетрезвые друзья покинули заведение, попрощались и каждый пошёл домой.

Утром следующего дня капитан проснулся, вспомнил вчерашний вечер и пришёл в ужас: он потерял чемодан, а значит деньги для команды судна. Он оставил его в «Арктике», а может еще где. Моряк был человеком опытным и знал, что за расхищение государственных средств в крупном размере ему светило несколько лет заключения. И позор! Лучше застрелиться. Он достал из закрытого на ключ специального отделения в шкафу дарственный пистолет, вынул из кобуры. «Сейчас надену парадную форму, напишу записку жене и пулю в висок. Закончилось моё везенье. Только что написать Оле и Брониславу? А команда? Все подумают, что я струсил, испугался. Нет, это – на крайний случай. Надо идти сдаваться в милицию».

Леонид не стал надевать парадную форму: «Не буду позорить офицерские погоны». Написал записку жене, выпил последние, как он считал, сто грамм водки, выкурил папиросу и пошёл в отделение милиции. Пистолет он взял с собой: «Надо в милиции сдать, всё равно заберут. А так сам». Но по дороге решил всё-таки заглянуть в «Арктику» и спросить, может, видел кто из официантов, кто забрал его чемоданчик. Швейцар неохотно впустил капитана в зал, ресторан открывался в 11-00, а потому был ещё закрыт. Леонид проследовал к столику, за которым вчера сидел со своими приятелями. Каково же было его удивление – «Портфель капитана» стоял на месте. Моряк бросился открывать его, деньги были внутри.

Через неделю после счастливого завершения этой истории капитан рассказывал друзьям:

– Всю войну прошёл и не поседел, а здесь за несколько часов все виски белыми стали.

С той поры прошло около шестидесяти лет. На месте старого ресторана «Арктика» стоит красивое новое здание, но на первом этаже современного сооружения работает ресторан с одноимённым названием. Автор этого рассказа несколько лет назад посетил Мурманск и побывал в этом ресторане. Прежде чем зайти в это интересное заведение, я долго стоял перед входом, смотрел на окна ресторана и вспоминал своего отца Подольского Анатолия Александровича, военного моряка Северного флота, участника Великой отечественной войны, который и поведал мне эту историю.

Где ты теперь, Живучий?

Жанна РУСАНОВА

Миниатюры о природе

* * *

На высоких деревьях, растущих по берегам заповедных рек, любят отдыхать орланы-белохвосты. Кажется, совсем неслышно едешь на лодке мимо и видишь, как эти сильные птицы одна за другой, поднимаясь высоко в воздух, начинают кружиться…

Удивительное зрелище, когда твою лодку сопровождают около тридцати красавцев орланов! Смотришь на птиц, любуешься ими и чувствуешь себя как на празднике.

В дикой природе орланы живут более двадцати лет. И свои большие гнезда сооружают высоко на деревьях. Но совсем недавно, зимой, они построили гнездо на взморье в тростнике, по соседству с небольшой плавучей базой. Гнездо получилось очень непрочным и совсем низко над водой. Оно скоро могло оказаться полностью в воде – лед на взморье начал таять.

В конце марта сюда с трудом приплыли на лодках сотрудники заповедной охраны. И с удивлением обнаружили в глубине маленькой тростниковой заросли это гнездо орлана. Его со всех сторон окружала вода. И в нем белела кладка из двух яиц, а из третьего уже вывелся птенец. По краям гнезда лежала рыба: небольшая щучка, линь, совсем маленький соменок и караси. Это – родители-орланы уже начали подкармливать своего птенца…

В следующий раз сюда приехали орнитологи и увидели трех птенцов. Гнездо уже начало сильно крениться под тяжестью птиц. Его укрепили более надежно. Но, к сожалению, вскоре в нем осталось только два птенца. Скорее всего, один выпал и утонул. Глубина акватории под гнездом была уже почти полтора метра.

В мае началась сильная моряна. Вода на взморье поднялась еще выше. Она проникла в гнездо орлана. Птенцам стало холодно и неуютно. И еще один погиб от переохлаждения. Вскоре заповедным служителям удалось немного приподнять птичье гнездо. В нем остался последний молодой орлан. Он почти полностью оперился. Это был необыкновенно крепкий птенец. Его назвали Живучий.

В начале июля сотрудники заповедника увидели знакомое гнездо опустевшим. Должно быть, орлан все-таки поднялся на крыло и улетел. Он не был окольцован. И теперь, когда совсем подрос и ничем не отличался от своих сородичей, понаблюдать орнитологам за ним уже было невозможно.

* * *

В апреле едва заметно начинает пробуждаться природа дельты. Весна уже коснулась ее тонкой акварельной кисточкой – распушила прибрежные белые ивы. И нарисовала зеленые иголочки первых травинок по берегам проснувшихся проток. С них, перед нашей лодкой, вспорхнула пара очень редких сегодня в дельте птиц – крякв. Следом почти неуловимо, призрачно, как стрекозы, промелькнула стайка чирков-трескунков.

Вокруг седой прошлогодний тростник. Он стойко держится по всей дельте. Небо густо-синее с белыми облаками отражается в холодной прозрачной воде, и она привычно принимает в себя его голубизну. Ничто не украшает водную гладь. Первые цветы дельты, среди которых особенно привлекательны белые кувшинки, появятся после того, как спадет высокая вода.

Не слышно веселого разноголосого птичьего пения. Лишь изредка протрещат широкохвостые камышевки. Да одинокие орланы-белохвосты, кружась в воздухе, вычерчивают свои неповторимые пируэты. Лебеди-шипуны и кудрявые пеликаны на гнездах.

На раскатах, там, где струятся многочисленные протоки, образовались широкие коричневые полоски суши – косы. Еще несколько дней, и они скроются под вешней водой. А сейчас на них время от времени в поисках корма опускаются турухтаны и большие веретенники. Набегавшись за хирономидами и немного насытившись, они подолгу отдыхают, набираясь сил для дальнейшего перелета на места гнездования. Какое необыкновенное удовольствие наблюдать за птицами в бинокль, не беспокоя их!

Тишину и одиночество этого заповедного края нарушает лишь ветер. Он гонит воду, и ее струи изумрудно переливаются.

* * *

На стрелочке двух речек Коровья и Дубная покачивался на волнах островок. Он был построен течением из набухших заиленных веток, приплывших откуда-то с верховьев в дельту, из коричневых стеблей тростника и речной травы. Его облюбовали и заселили речные крачки. Через каждые двадцать-тридцать сантиметров на нем виднелись гнезда. В одних еще лежали два-три едва различимых глазом яичка, а в других – уже пищали крошечные птенчики. Мимо проносились быстроходные лодки.

Нам казалось, что сейчас это зыбкое сооружение рассыплется от сильных волн и колония речных крачек погибнет. Однако гнезда, выстроенные птицами почти на краешке, удерживались, и пестрые яички из них не скатывались даже при самой сильной волне. Плавающее птичье гнездовье, на котором виднелись 99 яиц речных крачек и бегали 35 птенцов, было три метра в ширину и пять в длину.

Неожиданно желтенький в коричневых крапинах птенчик подплыл под борт нашей лодки. Доверчивый, пушистый, как поспевший одуванчик, он спокойно упрочился своими оранжевыми перепончатыми лапками на человеческой ладони.

Эти маленькие речные крачки показались нам отчаянно храбрыми птицами, поселившимися на таком бойком месте. Они не только могли поселиться, но уцелеть и благополучно вывести потомство, в чем мы позже с радостью убедились.

г.Астрахань